

– Сиди ты прямо! Вот смоляное чучелко! Уродуешься на него, уродуешься! Никакой благодарности! Ешь! И так уже остыло! Ты слушать-то способен? Мама сердито бросила вилку в мойку.

Вася хотел сесть прямо, но не удавалось: спина сама собой горбилась, а плечи остро выставлялись вперед.

– Доедай капусту! И котлеты до крошки! Сейчас поговорю – вернусь проверю! Живей! Мне через полчаса на работу!

Мама вышла в коридор, прихватив заверещавшую трубку.

Вася смотрел сквозь прозрачную вставку в кухонной двери на вытравленные мертвой желтизной мамины волосы, и было так жалко изуродованных и обрезанных каштановых локонов, что хотелось плакать. И совсем не хотелось есть. Но Вася все равно старательно сосал волокончатую мякоть, только она ни в какую не глоталась. Потом в горле запершило, и пришлось выплюнуть пережеванное на тарелку.

– Да. А-а. Привет, – доносился из коридора мамин голос. – Нет. Не объявлялся. Не звонил. Перевод вышлет, крыжик отметит – и точка. Бросил, перед фактом поставил, и концы в воду. Ну, пусть не в воду. У Вальки у этой. Да, квартира моя, пусть только сунется.

Вдруг мамин голос болезненно дрогнул, сломался.

– Как жить, скажи! И кому я теперь с хвостом нужна! О-ой, да за что же такое!

Мама замахала рукой, заплакала и, споткнувшись о дорожку, поплелась с трубкой в глубину квартиры. Разговора слышно не стало.

Вася смотрел в окно и понимал: хвост – это он. Мама и раньше говорила: «Не ходи за мной хвостиком! Иди играй!» А он ходил. Скучно без мамы, одиноко.

Папа постоянно на работе или в командировке. Но иногда они все-таки гуляли в парке, и покупали сок в разноцветном магазинчике, и читали «Тараканище». А еще играли в «Живые карусели», и было так приятно чувствовать папины сильные пальцы и ладони.

А теперь папа их бросил. Потому что он, Вася, не способен слушать. Не умеет сидеть прямо. Плохо ест. И вообще многое делает плохо. А ведь ему целых пять лет. Почти все буквы знает.

Надо доказать маме с папой, что он уже большой. Может ни за кем не ходить хвостом. Стать самостоятельным. Тогда никакая Валька папе не понадобится. А мама опять будет веселой, перестанет постоянно кричать и плакать.

Вася знает и летние, и осенние месяцы. Сейчас июль. В лесу есть ягоды, грибы – проживет. А к сентябрю вернется. Взрослым и умелым. Не успеют родители соскучиться.

- Посмотри скорей, папа здесь!
Вася наконец оторвался от бревна.
- Папа! – И, прыгнув ему на руки, пряча залитое слезами лицо в отцовской подмышке, прорыдал:
- Папа, дедушка Леший взорвался!

Родители переглянулись, и мама сказала таким добрым голосом, будто Вася уже неделю болел фолликулярной ангиной:

- Малыш, нет никакого Лешего и не было. Пойдем домой. Ты нашелся – и больше нам ничего не нужно. Только будь всегда с нами. Ведь мы все опять вместе?

И мама подняла глаза на папу. А тот отдернул взгляд и уставился на черное расщепленное бревно под ногами, разметанные по поляне ветки, полотняные клочья, битое стекло, картонные ошметки...

- А знаешь, тут и вправду был взрыв.

Папа поставил Васю на землю.

- Расскажи, сын, что здесь случилось?

Мама метнулась к Васе, заслонила его от папы и стала бросать слова, будто камни:

- Оставь ребенка в покое! Не видишь разве – он испугался! Тем более если взрыв! Нужно забыть все это! И нечего говорить! Растравливать только! Пойдем! – И больно потянула Васю за руку.

Но он вырвался, подбежал к бревну, обнял, погладил его в последний раз – быстро, боясь, что оттащат. И вернулся. Сам подал руку маме.

- Пойдем.

И они пошли по серой дороге, потом по улице. Мама с папой – по бокам, Вася в середине. Не было сил ни плакать, ни говорить, ни вспоминать.

А все равно вспоминалось. Он, Вася, держал не очень тяжелый черный пакет – новенький, с красным пауком на боку. И было так интересно открыть красивый пакет, и Вася уже начал...

- Брось! Брось от себя! Дальше брось!

Вася хотел выполнить повеление бабушки Лешего, а никак не мог. Пакет качался в руке – и все.

Глаза у бабушки стали строгими и непреклонными.

- Спасайся! Будет взрыв!

Леший схватил Васю в охапку и отшвырнул его так, что скрипнули деревянные пальцы. И тот оказался на другом краю поляны. Шлепнулся о землю, но боли не почувствовал. Стало жутко: в стороне полоснула вспышка, грохнуло и запахло дымом. А когда дым рассеялся, бабушки Лешего больше не было. А было бревно, покореженное взрывом.

Вот и подъезд.

- Домой?

На мамин вопрос папа пожевал губами, взглянул в сторону и наконец твердо ответил:

- Мне уже пора. А с сыном я скоро увижусь.

Потом присел на корточки перед Васей, ласково потерся носом о его нос и сказал:

- Смотри, больше не теряйся. Приду – проверю.

Улыбнулся, помахал рукой – и скрылся за углом.

Мама сразу сгорбилась, тихонько села на лавочку у дома и тоненько завывала.

Вася по-взрослому положил руку маме на плечо, погладил и сказал:

- Мама, не плачь! Плакать ни детям, ни взрослым не нужно.

И смахнул тягучие капли с глаз.

